
УДК 82.0 (470.621)

ББК 83.3 (2=Ады)

Я 91

Яхутль Ю.А.

Аспирант кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: partner.86@mail.ru

Идейно-художественные компоненты обновленной модели адыгского просветительства в младописьменном романе
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается идея изучения послереволюционного просветительства посредством исследования структурных компонентов его модели в адыгском романе. Сформировано целостное представление о значении духовно-нравственного основания для зрелой словесности и ее нового типа героя. Показывается драматизм поисков и попыток реализации идей художественного воплощения нового просветительства. Установлено, что новый подход позволил обозначить правомерность изучения просветительской линии в младописьменном адыгейском романе.

Ключевые слова:

Духовно-нравственный аспект, структурные компоненты, модель просветительства нового типа, личность в процессе становления новой модели.

Yakhutl Yu.A.

Post-graduate student of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: partner.86@mail.ru

Ideological and art components of the updated model of Adyghe enlightenment in the young literature novel

Abstract:

The paper discusses the idea of studying post-revolutionary enlightenment through structural components of its model in the Adyghe novel. The author presents a complete idea of value of the spiritual and moral basis for mature literature and its new type of the hero. A dramatic nature of searches and attempts to realize ideas of artistic embodiment of new enlightenment is shown. It is inferred that a new approach allowed the author to designate legitimacy of studying the enlightenment in the Adyghe young literature novel.

Keywords:

Spiritual and moral aspect, structural components, model of enlightenment of the new type, the personality in the course of formation of new model.

Среди отечественных авторов, пишущих о Просвещении на Западе, есть сторонники чрезмерно широкой его трактовки [1: 98-100]. Как известно, Просвещение не является только литературным

явлением. Оно как философское, культурное и литературное явление возникло в странах Западной Европы [2: 123-129]. Художественное осмысление адыгского просветительства, его традиций и при-

знаков новизны на стыке XIX – XX столетий привело к необходимости сосредоточить внимание исследователя на драматическом послереволюционном периоде культурно-идеологической жизни Северного Кавказа. Данный период в силу его своеобразия определен нами как погранично-связующее звено в цепи северокавказского просветительского движения XX – XXI вв. **Уникальность** нового периода – в обращенности к гуманистическим идеям и деятельности классиков адыгского просвещения, одушевленной мужественной гражданской сосредоточенностью на целях социального преобразования жизни и самоотверженной готовности к повседневному труду и творчеству в революционном созидании новых форм национального жизнеустройства. Соответственно создавалась новая модель национального просветительства, формировался новый тип героя-просветителя (как литератора, так и персонажа - героя новой литературы), соединяющего культурно-образовательную работу с революционным строительством.

Доказательство жизнеспособности этого явления – анализ ранней литературно-публицистической деятельности Тембота Керашева, Ибрагима Цея, Сафербия Сиюхова, обзор научно-методических материалов А. Барона, Б. Кобле, Ш. Кубова, Х. Хамхокова, Д. Ашхамафа и других с точки зрения особенностей выражения в их творчестве просветительски-революционных идей.

Раскрытие этой диалектической связи, наряду с анализом значительных литературных фактов в жизни новописьменной адыгейской литературы, помогло сформировать целостное представление о значении духовно-нравственного основания для зрелой словесности и ее нового типа героя.

В то же время необходимо подчеркнуть особый драматизм поисков и попыток реализации идей художественного воплощения нового просветительства, так как

его модель строилась и развивалась на гуманистических идеях интереса к духовно-философскому формированию личности и познанию психологии нового общества. Необходимость вторжения в эту сложную и художественно неизведанную сферу бытия человека расходилась с идеологическими установками официальных лидеров пролетарского (в России) и новописьменного периода литературного движения в северокавказских регионах. Следствием зачастую становилось обвинение в безыдейности, идейной реакционности творчества поборников гуманистического крыла просветителей-классиков и их молодых продолжателей. Факты творческой жизни И. Цея, С. Сиюхова, Б. Кобле, Ш. Кубова, И. Барона, Х. Хамхокова, Д. Ашхамафа и других свидетельствуют о трагических перипетиях судьбы многих адыгейских просветителей 20-30-х гг. XX века.

Тем не менее, процесс становления реализма в его социалистических формах в адыгейской литературе шел и совпал с периодом формирования творческих индивидуальностей создателей новописьменной литературы – Т. Керашева, М. Паранука, А. Хаткова, А. Евтыха, Ю. Тлюстена и др. В сообществе с пришедшими в литературу до революции писателями они составили ее национальный фундамент, определили пути дальнейшего духовно-эстетического возмужания художественного слова [3:24-25].

Вместе с необходимостью для молодого поколения писателей «изобразить жизнь в ее революционном развитии» и с победным исходом борьбы за новую жизнь в сформировавшемся новом типе положительного героя, с одной стороны, по-прежнему явно просматривался революционер по социальным симпатиям, с другой стороны, - гуманист, озабоченный решением проблем внимания к человеческой личности в структуре нового общества.

Исследователи «формулы» нового человека зачастую по-разному строили составляющие ее компоненты, вклю-

чая социально-нравственные «смыслы и ожидания, разную ментальность и художественные решения» [4:8-10]. В ряде северокавказских национальных литератур (адыгейской, черкесской, осетинской) содержание понятия «новый человек» раскрывалось по двум моделям:

1) ориентация на типовое подчинение индивидуальных запросов личности коллективному творчеству;

2) созидание в себе личности соответственно внутренней динамике природы человека и цивилизационным процессам.

Первая модель (период 20-50-х гг.) воплощалась в концепции детерминированности личности, вторая модель была ориентирована на гуманизацию личности (60-х – 80-х гг.).

Новая концепция характера определила и новый стиль, отражающий особенности реализма XX века. Проявляется это в соединении традиционного, достоверного изображения жизни с условно-аллегорическими формами показа. Характерно, что не само событие оказывается в центре внимания писателя, а его восприятие отдельным персонажем. Поэтому мыслительный процесс, сложный, неоднозначный и пересеченный, становится объектом прямого художественного анализа. Стиль обуславливается также тяготением к иносказательности и глубокому подтексту. В этом непросто для восприятия дискурсе следы просветительских мотивов определяются не так явно, как у Т. Керашева. Тем не менее, и здесь можно говорить о варианте модели просветительства нового типа со своими проблемно-тематическими чертами и структурно-стилевыми особенностями. Основные черты модели просветительства нового типа:

- просветительство как планомерное целенаправленное коллективное движение к высокой общественной цели – и индивидуальное, личностное состояние, рожденное душевной и духовной потребностью «интеллигентов

духа» (Т.Керашев, А. Евтых);

- просветитель-герой послереволюционного периода, соединяющий революционный строй личности с героизмом повседневного мужества [5: 27-36]. Речь идет о нравственно-идеологическом комплексе этических и психологических свойств личности, серьезно изменяющем модель современного просветительства (Т.Керашев);
- видоизменение принципов действий у просветителей в сторону деятельного гуманизма и толерантности, связанных с революционно-сознательной деятельностью и с общечеловеческими заботами;
- изменение социального состава просветителей (классовая принадлежность, возраст, политико-идеологическое созревание, философский интерес к миру за пределами аула (села, деревни, города), выражающиеся в попытке осмысления и оценки мировидческих проблем времени: его прошлого, настоящего, будущего (Т. Керашев, А. Евтых);
- расширение поля деятельности, увеличение духовно-философских проблем для осмысления, конфликтное обострение взаимоотношений в обществе в процессе решения проблем, все более смелое обращение к «запретным» темам общественного и семейного быта, межнациональных отношений, религии (А. Евтых);
- выход за рамки чисто феминизационных социальных проблем в сторону общенародных и общечеловеческих вопросов (романы Т. Керашева 20-40-х годов);
- отражение в героях духовного звания критических и даже протестных сторон относительно справедливости мироустройства и господствующей социальной системы (А. Евтых);
- сохранение и развитие традиционных словесных, обрядовых методов воздействия на личность и поиски новых

приемов в арсенале средств из других видов деятельности (Т. Керашев, А. Евтых);

- влияние художественного народного сознания стало традицией не только ранней адыгейской литературы, герои которой живут по законам гуманистической морали «адыгэ хабзэ» и духовных стремлений за пределы низменных бытовых интересов, но и зрелых новописьменных произведений Т. Керашева, А. Евтыха, Х. Ашинова, Н.

Куека, И. Машбаша, Ю. Чуяко.

Приобщение народа к прогрессу, цивилизации через просвещение и образование становится основной задачей, определившей содержание самобытной литературы адыгского просветительства XIX – начала XX века. Именно приверженность фундаментальным общечеловеческим ценностям сделала Просвещение востребованным литературой с ее разительными переменами и активными духовно-интеллектуальными поисками.

Примечания:

1. Studien zur Philosophie des Aufklrung. B. 1-2. Berlin, 1985. С. 98-100.
2. Авидзба В.Ш. Особенности кавказского просветительства XIX-XX вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2008. Вып. 10 (38). С. 123-129.
3. История адыгейской литературы: в 2 т. Т. I. Майкоп, 1999. С. 24-25.
4. Никонова, Т.А. Новый человек в русской литературе 1900-1930-х годов: проективная модель и художественная практика. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. С. 8-10.
5. Мамий Л.Г. Завещано Темботом Керашевым (о новом герое в творчестве писателя) // Актуальные проблемы общей и адыгейской филологии: материалы VI Междунар. науч. конф. Майкоп, 2008. С. 27-36.

References:

1. Studien zur Philosophie des Aufklrung. CENTURY 1-2. Berlin, 1985. P. 98-100.
2. Avidzba V.Sh. Features of the Caucasian education of the XIX-XX centuries // The Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2008. Iss. 10 (38). P. 123-129.
3. History of the Adyghe literature: in 2 vol. V. I. Maikop, 1999. P. 24-25.
4. Nikonova, T.A. A new person in the Russian literature of the 1900-1930th: a projective model and art practice. Voronezh: Publishing house of Voronezh State Un-ty, 2003. P. 8-10.
5. Mamiy L.G. It is bequeathed by Tembot Kerashev (on a new hero in writer's works) // Actual problems of the general and Adyghe philology: materials of the VI International scient. conf. Maikop, 2008. P. 27-36.